

Рассмотрена история формирования Союза советских архитекторов СССР с 1932 по 1941 год. Перечислены решения высших органов партийно-государственного аппарата по созданию Союза архитекторов. Описываются причины запрета творческих организаций архитекторов, художников, писателей, композиторов. Раскрыта взаимосвязь между политикой власти и исполнением ее решений советской творческой интеллигенцией. Перечислены функции «уполномоченного» Союза архитекторов, его роль в подчинении советских архитекторов политике, осуществляемой властью.

Ключевые слова: Союз советских архитекторов СССР, социалистический реализм, государственное регулирование профессиональной деятельности. /

The article describes the history of the formation of the «Union of Soviet architects of the USSR» from 1932 to 1941. It presents the decisions of the highest bodies of the party-state apparatus to create the Union of Architects. It also describes the reasons for the ban on creative organizations of architects, artists, writers, composers, and so on. The article discloses the relationship between the power policy and the fulfillment of its decisions by Soviet intellectuals. The functions of the «authorized» Union of Architects and its role in subordination of Soviet architects to the policy implemented by the authorities are also described here.

Keywords: Union of Soviet Architects of the USSR, socialistic realism in architecture, government's regulation of professional activities.

Союз советских архитекторов СССР История создания и начальный период существования (1932–1940-е годы) / The Union of Soviet Architects of the USSR. The History of Its Formation and Early Stages (1932-1940s)

Весна 1932 года... Страна уже третий год прилагает титанические усилия по формированию самого мощного в мире военно-промышленного комплекса – строит заводы-гиганты, формирует новые зоны промышленного освоения в слабозаселенных регионах страны, возводит возле фабрик и заводов – первенцев первой пятилетки – сельтебу для размещения рабочих кадров, перемещает туда все новые и новые трудовые ресурсы... Руководство страны осуществляет гигантские государственные программы – индустриализацию и коллективизацию, концентрирует все силы для их реализации. Требуется сосредоточить и все гуманитарные силы страны. Литература, искусство, музыка, архитектура должны «встать в строй» подразделений, призванных осуществлять социально-культурные преобразования. Власти нужны сплоченные единой идеологией, проникнутые единым духом, исполнительные, дисциплинированные писатели, художники, композиторы, архитекторы. Причем «построенные в ровные шеренги», потому что минимальной единицей управления в советской системе власти является трудовой коллектив, только на него власть способна опираться в достижении своих целей: руководить рассредоточенными кадрами исполнителей она не умеет.

Партийному руководству СССР не просто надоела самостоятельность «пролетариев культуры». Она вредна, так как выступает реальной помехой в осуществлении той миссии, которую власть уготовила деятелям культуры: писатели должны в едином порыве прославлять энтузиазм миллионов; художники – создавать эпические полотна мирного созидательного труда;

композиторы – сочинять кантаты о производственных достижениях рабочих, крестьян и представителей советской интеллигенции; архитекторы – проектировать дешевые и быстровозводимые рабочие слободы подле промышленных производств, изящно обосновывая их примитивизм с помощью догматов «социалистического реализма»... А вместо этого «творческие объединения» занимаются экспериментами в музыке и стихосложении, исканиями новых художественных образов, участием в бурных дискуссиях о формах будущего «коммунистического расселения»...

Партия убеждена, что художников, писателей, композиторов, архитекторов нужно объединять в точно такие же трудовые коллективы, как и рабочих промышленных новостроек. И также твердо и жестко руководить ими. Безусловно, люди искусства – натуры тонкие и требуют особого подхода. Однако власть уверена, что и художники, и писатели, и архитекторы – это точно такие же государственные служащие, как и бухгалтеры, милиционеры, учетчики в продуктовых распределителях, только создающие и продающие несколько иной продукт – идеологический... Главное – не допускать никаких буржуазных проявлений «свободы творчества». В СССР все должно быть по-другому, чем в странах капитализма. Однако никаких конкретных и четких требований-предписаний для производства продуктов художественного творчества в Советском Союзе все еще не разработано. Да и вряд ли это возможно, поскольку артисты, художники, музыканты, архитекторы все-таки несколько отличаются характером своей деятельности от вохровцев, трактористов, грузчиков, токарей-фрезеровщиков...

И партия принимает решение, призванное покончить с разбродом и шатанием, с «творческими поисками» нового искусства и новой архитектуры. Распускаются сразу все художественные объединения страны, а для нужного государству «творчества» находится своя специфическая организационно-управленческая форма: 23 апреля 1932 года партия постановляет объединить всех деятелей культуры в специальные организации – профильные творческие союзы. Все существующие к этому времени творческие организации – независимые, организованные частными лицами – распускаются, а вместо них создаются новые единые союзы под управлением государства. Эпоха относительной художественной свободы в СССР завершается.

Для руководства формирующимися творческими союзами назначаются проверенные, надежные товарищи – из соответствующей профессиональной среды, проявившие себя в предыдущие годы, зарекомендовавшие себя исполнительными, волевыми «проводниками генеральной линии», умеющими убедительно транслировать волю высших руководящих органов в профессиональные массы и практически доказавшие свою готовность настойчиво и твердо добиваться от подчиненных исполнения любых указаний власти. Не обязательно партийные, но совершенно лояльные и послушные в исполнении приказов власти. Пусть они и в стенах образуемого Союза и приносят «рядовых деятелей искусства» к единообразному исполнению задач, выдвигаемых властью перед профессиональными сообществами.

Постановление Центрального комитета коммунистической партии «О

перестройке литературно-художественных организаций» твердо фиксирует позицию большевиков: самостоятельную формулирующие свои кредо творческие архитектурные, литературные, скульптурно-живописные объединения и группировки крайне вредны, потому что из-за стремления к самовыражению они впадали в «культивирование кружковой замкнутости»; отрывались «от политических задач современности» и от «значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству».

ЦК ВКП (б) постановляет: «устранить серьезный тормоз на пути нового подъема... творчества» – осуществить перестройку устаревших форм литературно-художественных организаций, «объединить всех писателей, подерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем... провести аналогичные изменения по линии других видов искусства».

Именно этим постановлением и создается Союз советских архитекторов СССР (ССА СССР)¹. Целью реорганизации существовавших до сего момента творческих группировок (ВОПРА, АСНОВА, АРУ, ОСА, МАО, ЛАО и т. п. и тех, кто к этому времени вошел в ВАНО²) и последующего объединения архитекторов в рамки единого союза является охват, контроль и руководство всеми без исключения архитекторами, включаемыми в единую общегосударственную систему проектного дела. И прежде всего не членами Союза за счет воздействия на них членов. Делается это с целью распространения единых стилистических предпочтений, насаждения единого творческого метода, а также обеспечения исполнительской дисциплины в результате формирования механизма трансляции руководящих указаний от соответствующих органов политического руководства страной к архитектурным коллективам проектных институтов.

Однако существовала проблема, которую следовало срочно преодолеть. Дело в том, что в архитектурном проектировании в это время практиковались как традиционные (дореволюционные) методы формообразования, так и новые, довольно глубоко к этому времени проработанные и отдельными мастерами (Я. Г. Черниковым), и в рамках существовавших творческих группировок (конструктивистов и рационалистов). Чтобы заставить членов группировок отказаться от их творческого метода и начать исполнять то, что им прикажут, нужно было противопоставить их творческому подходу что-то «содержательное». Это «что-то» и было придумано.

Фактически двумя людьми – главным редактором «Известий» и по совместительству редактором журнала «Новый мир» Иваном Гронским и генеральным секретарем коммунистической партии большевиков Иосифом Сталиным. Этим «изобретением» стал метод социалистического реализма. Как писал в своих воспоминаниях Гронский, он предложил назвать творческий метод советской культуры и искусства «пролетарский социалистический реализм» или «коммунистический реализм». Сталин возразил: «Но ведь мы пока не ставим в качестве практической задачи вопрос о переходе от социализма к коммунизму... Как вы относитесь к тому, если мы творческий метод советской литературы и искусства назовем «социалистическим реализмом»?» [1].

23 мая 1932 года в «Литературной газете» было опубликовано выступление И. Гронского на активе литкружков Москвы, в котором впервые публично объявлялось о том, что социалистический реализм есть основной метод советского искусства. Соцреализм был придуман в первую очередь как способ укрощения литераторов, но оказался универсальным трюком, пригодным для применения во всех областях культуры, и прежде всего из-за полного отсутствия конкретного содержания. Сталину нужно именно словосочетание или, как сейчас говорят, – слоган. «Поскольку оно было лишено конкретного смысла, его можно было наполнять любым содержанием и ассоциировать в зависимости от ситуации с любым художественным направлением. Став «ведущим творческим методом» всех советских деятелей культуры, в том числе и архитекторов, соцреализм не полемизировал с уже существующими и популярными в профессиональной среде художественными теориями, он их просто отменял. Безо всяких споров оказались ненужными теоретические разработки не только современного движения в архитектуре – конструктивизма и рационализма, но и вполне традиционные художественные теории пространства и массы, осмысления природы стилей, в том числе все варианты неоклассики. Рассуждать об архитектуре вне соцреалистической риторики уже больше было нельзя, а в ее рамках – невозможно. Поскольку совершенно непонятно было о чем говорить...» [2].

Исходя из этого, первое кардинальное отличие создаваемого Союза архитекторов от распускаемых творческих группировок заключалось в том, что главной обязанностью членов Союза являлось проведение в жизнь политики партии и правительства и внедрение метода социалистического реализма, точно так же как это должны

были делать члены коммунистической партии, главной обязанностью которых, согласно Уставу ВКП(б), являлось проведение в жизнь политики партии: «...союз советских архитекторов... объединяя всех архитекторов, стоящих на платформе советской власти, должен стать одним из проводников решений партии и правительства в строительстве и реконструкции соцгородов и социалистической реконструкции быта» [3].

Второе отличие состояло в том, что внутри Союза формировался партком – точно такой же орган внутреннего идеологического контроля, как и на любой советской фабрике, заводе или учреждении. С теми же самыми функциями – надзора и контроля за «идеологической правильностью текущей деятельности». Этот орган именовался «коммунистической фракцией» Союза. Он следил за тем, чтобы приказы вышестоящего начальства не оспаривались, спускаемые сверху решения не подвергались критике; чтобы никто не проявлял никакие творческое своеволие... Команды власти следовало лишь самоотверженно исполнять, беспрекословно подчиняясь политическому руководству и государственной цензуре.

Третье отличие – в новый союз включались архитекторы вне зависимости от того, в какой конкретно проектной конторе они работают; основной критерий принятия в члены Союза – готовность обеспечивать на местах проектного труда исполнение партийно-правительственных распоряжений, правда, проявляя фантазию для «ускорения и совершенствования». Правда, готовность «проводить линию партии» еще нужно было доказать – убедить приемную комиссию в том, что кандидат на вступление является именно советским архитектором, то есть разделяет и поддерживает «платформу советской власти», активно «участвует в социалистическом строительстве». Для этого вводится точно такая же форма приема в члены ССА СССР, как и при вступлении в члены партии: нужно заполнить специальную анкету, ответить на вопросы о социальном происхождении, членстве в комсомоле и других «общественных» организациях, полученном образовании, участии в белом движении, наличии правительственных наградах и проч. Точно так же как и при вступлении в партию, при вступлении в Союз советских архитекторов СССР необходимо иметь рекомендации от трех уже состоящих в нем членов. Причем с обязательным указанием номеров членских билетов, чтобы рекомендатель легко можно было найти по картотеке секретариата и строго спросить с них, если «рекомендуемое лицо» вдруг отклонится от «линии партии».

1. Именно так он и назывался – Союз советских архитекторов.
2. Всероссийское архитектурное научное общество. – М. М.

Главным было доказать, что кандидат в члены ССА СССР готов воплощать основное требование социалистического реализма – обеспечивать создание «прогрессивного идейного содержания». Это словосочетание – еще более мутная и произвольная формулировка, чем сам соцреализм, зато позволявшая любому партийному чиновнику руководить архитектурой, не требуя от него никаких профессиональных знаний. Более того, профессиональные знания котировались гораздо ниже, чем собственное партийному профессионалу мистическое умение отличать «идейное» от «нейдейного» [2, с. 253].

Устав коммунистической партии предусматривал, при наличии в советских организациях и учреждениях как минимум трех членов ВКП(б), возможность создавать первичную партийную ячейку. Точно так Устав Союза советских архитекторов давал его членам возможность создавать в проектных институтах и мастерских, при наличии в них трех членов ССА СССР, первичные ячейки, осуществлявшие проведение официальной политики в профессиональные массы.

Если в Европе конец XIX века был периодом расцвета общественных организаций и объединений: архитекторы добровольно объединялись в различного рода группировки по тем или иным аспектам профессиональных интересов, то в отличие от них Союз советских архитекторов СССР был не «творческим архитектурным объединением» (хотя именно таковым настойчиво именовался), а «государственным органом, осуществляющим государственную политику в области архитектурного творчества» [4]. И хотя Союзу советских архитекторов СССР и было присвоено политкорректное наименование-обманка – «общественная организация», таковой, однако, он не являлся. Поэтому в него могли входить лишь те, кто по своему положению реально мог осуществлять политику власти. Как следствие, все те, кто по своему положению в системе государственного проектного дела ничем не руководил, хотя и имел непосредственное отношение к архитектурному творчеству, к членству в Союзе не были допущены. Так, в разделе Устава «Состав Союза» были исключены из членства в Союзе такие категории (присутствовавшие, например, в уставе МОВАНО), как «студенты вузов, рабочие, мастера, технический персонал, лепщики, чертежники».

Создание Союза было акцией, от начала до конца осуществляемой властью. Здесь ничто не было случайным. Все решения, которые впоследствии преподносились как инициатива архитектурной общественности или как сти-

хийный порыв профессиональных масс, заранее обдумывались в недрах партийного руководства страной, обсуждались, оформлялись в формулировках и планах организационных действий и, наконец, официально утверждались тем или иным специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б).

Так, через две недели после принятия Постановления «О перестройке литературно-художественных организаций», 7 мая 1932 года, Оргбюро ЦК ВКП(б) определило круг практических мероприятий по проведению в жизнь решения Политбюро. В Постановлении Оргбюро «О мероприятиях по выполнению Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций»» был сформирован состав комиссии, призванной проработать однотипный круг мероприятий по созданию трех союзов: композиторов, художников и архитекторов – подготовку и проведение всесоюзных съездов, «общественное» выдвижение кандидатур на руководящие посты, их неизбежные выборы и т. п.

Первыми в списке формируемых творческих союзов оказались писатели. На них власть решила отработать организационные формы подготовки и процедуры проведения, которые потом должны были быть тиражированы при создании прочих творческих союзов. Далее очередь композиторов, архитекторов и художников. В состав сформированной ЦК ВКП(б) комиссии по созданию союзов вошли «ответственные» партийные товарищи: Стецкий, Рабичев, Динамов, Бубнов, Вязьменский, Верхотурский, Пшебышевский, Шацкий, Заславский, Осипов, Козелков, Черкасский, Фридман, Беккер [5]. Комиссии было поручено: «...2. Приступить к организации единого союза советских композиторов с тем, чтобы в союз вошли и отдельные наиболее авторитетные деятели музыкального искусства (дирижеры, крупнейшие исполнители); 3. Поручить комиссии в составе тт. Стецкого (председатель), Бубнова, Енукидзе и Косарева представить на утверждение следующего заседания ОБ³: а) персональный состав оргкомитета и предложения по организационным вопросам (о сроке созыва съезда и т. д.) и проект постановления для публикации от имени организаций... 4. Поручить той же комиссии (т. Стецкого) наметить и внести на утверждение следующего заседания ОБ персональный состав оргкомитетов союза художников и союза архитекторов, учтя состоявшийся на заседании ОБ обмен мнений. Считать возможным вхождение в состав союза архитекторов деятелей искусства, работающих в области архитектуры»

[5, с. 175].

Однако по неизвестным причинам работа по созданию Союза архитекторов пошла медленнее, чем планировалось, и лишь через два с половиной года, 4 октября 1934 года, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление о проведении Всесоюзного съезда советских архитекторов. Политбюро предписало для подготовки съезда: «...б) провести 25 октября совещание... с представителями крупнейших архитектурных организаций Советского Союза (Москвы, Ленинграда, Украины, Закавказья, Свердловска, Горького)... в) предложить партгруппе Союза советских архитекторов после окончания этого совещания представить на утверждение ЦК кандидатуры в состав Оргкомиссии по созыву съезда, повестку дня и докладчиков на нем» [5, с. 269–270].

Существование всей подготовительной работы было возложено на партгруппу правления Союза, а наблюдение – на представителя ЦК ВКП(б) Щербакова. Было разрешено пригласить на съезд 25–30 иностранных архитекторов и отделу культурно-воспитательной работы ЦК было дано поручение в месячный срок определить их конкретные кандидатуры [5, с. 269–270].

Любые возможные случайности в проведении Первого Всероссийского съезда советских архитекторов исключались заранее: в ходе подготовки (задолго до проведения съезда) была утверждена итоговая резолюция съезда, которая впоследствии с незначительными изменениями была послушно принята. Также был намечен список из нескольких сотен потенциальных кандидатов в докладчики (из Москвы и Ленинграда и союзных республик), сформулированы темы докладов. Кандидатам в официальные докладчики предлагалось в обязательном порядке заблаговременно представить тезисы своих выступлений на утверждение оргкомиссии по созыву съезда, утвержденной ЦК ВКП(б). Мало того, они обязаны были выступить в узких профессиональных аудиториях, обкатать содержание своих докладов на предварительных выступлениях.

Те из текстов докладов, которые оказались наиболее соответствующими идеологическим требованиям, были обсуждены, покритикованы, подправлены и в конечном счете отредактированы партгруппой оргкомитета Союза советских архитекторов, осуществлявшего (с 1932 года до момента официального создания Союза) организационную работу. Председатель оргкомитета Каро Семенович Алабян отчитывался: «Мы мобилизовали по Москве сотни людей... мы имеем заданием заставить этих людей выступить и до Съезда и

3. Оргбюро ЦК ВКП(б) – высший орган принятия решений в сталинском руководстве страной. – М. М.

после Съезда так, как мы хотим... Я знаю, что нет случая, чтобы какой-нибудь доклад ставился без того, чтобы нами не санкционировалось это. Мы проводим десятки совещаний, проверили сотни тезисов и приняли из них на обсуждение только 50...» [6]. А затем передали свои соображения «наверх». Там приняли решение и спустили его «вниз» к исполнению. Так Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 сентября 1935 года «О дате, повестке дня и ответственных за подготовку Всесоюзного съезда советских архитекторов» предписывало: «...Утвердить следующую повестку дня съезда и докладчиков:

1) Задачи советской архитектуры – докладчики: архитектор Алабян, академик Щусев, профессор Колли, архитектор Симонов (Ленинград) и содоклады представителей союзных республик.

2) Архитектурное образование и подготовка мастеров строительного дела – докладчики: академик Желтовский⁴, профессор Никольский, архитектор Крюков.

3) Доклад о реконструкции Москвы и о задачах в области планировки городов – докладчик профессор Чернышев.

4) Архитектура за рубежом – докладчики: архитектор Иофан, академик Щуко, профессор Аркин.

5) Устав Союза советских архитекторов СССР – докладчик т. Александров...» [5, с. 269–270].

Также постановлением было определено, что все доклады должны быть готовы и представлены в письменном виде через два месяца, к 25 ноября 1935 года, уже на окончательное утверждение в ЦК ВКП(б).

И вновь по причинам, которые до сих пор остаются невыясненными, проведение съезда оказалось отнесенным еще почти на два года. Лишь 20 апреля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло очередное постановление – «О сроках созыва и повестке дня Всесоюзного съезда советских архитекторов». К этому времени Союз архитекторов уже развернул сеть своих местных организаций. Так, например, в Иркутске краевая организация СА СССР была сформирована за два года до проведения Всесоюзного съезда – соответствующее постановление Восточно-Сибирского крайкома было принято 8 апреля 1935 года.

Постановление «О сроках созыва и повестке дня Всесоюзного съезда советских архитекторов» предписывало:

«1. Установить срок открытия Всесоюзного съезда советских архитекторов 15 июня 1937 г. Определить количество делегатов съезда в 450 чел.

2. Утвердить следующую повестку дня съезда и докладчиков:

1) Задачи советской архитектуры.

Докладчики: арх[итектор] Алабян, acad. Щусев, проф. Колли; доклады представителей национальных республик; доклады об архитектуре Дворца Советов: арх[итектор] Иофан, acad. Щуко, проф. Гельфрейх.

2) О генеральном плане реконструкции Москвы и о планировке городов. Докладчик – проф. Чернышев.

3) Архитектура жилищ. Докладчики: арх[итектор] Симонов и арх[итектор] Мордвинов.

4) Архитектурное образование и подготовка мастеров строительного дела. Докладчики: арх[итектор] Крюков и acad. Желтовский.

5) Устав Союза советских архитекторов. Докладчики – арх[итектор] Заславский.

3. Поручить комиссии в составе тт. Стецкого, Антипова, Смирнова Г., Гинзбурга, Бермана, Булганина, Алабяна, Керженцева, Рябова и Ангарова вести дальнейшую работу по подготовке съезда и помощи докладчикам при составлении докладов» [5, с. 358–359].

27 мая 1937 года на совместном заседании оргкомитета Союза советских архитекторов с представителями уже существовавших Союзов скульпторов и художников это решение было публично озвучено. К вышеуказанным докладом был добавлен, по согласованию с комиссией ЦК под председательство тов. Стецкого, доклад «Планировка городов на опыте Ленинграда». Докладчик – проф. П. Ильин. На совместном заседании представители родственных союзов были проинформированы о том, что по решению Комиссии ЦК секционных заседаний на съезде не будет, что письменные тексты всех докладов уже подготовлены и переданы на заключение комиссии ЦК, что оргкомитет Союза архитекторов ждет от товарищей скульпторов и художников «предложений по творческой линии», т. е. чтобы выступления художников и скульпторов, строго ограниченные по числу, не затрагивали тем «общепрограммных докладов», которые будут делать архитекторы, а касались бы лишь чего-то вдохновляющего и идеологически-образного... «Мы хотим, чтобы Союз скульпторов и Союз художников дали ряд выступлений, заранее проработанных, хорошо продуманных... мы просим представителей Союзов художников и скульпторов выделить группы и провести специальное обсуждение выдвинутых тем, вместе с нашими докладчиками, чтобы выяснить, какие вопросы хотят поднять на съезде архитекторов художники и скульпторы. Здесь надо как-то дифференцировать тот небольшой материал, который можно будет огласить с трибуны съезда. Нужно так дифференцировать материал, чтобы было одно или два выступления по

первому докладу, по второму, по третьему. Нужно будет затронуть вопрос о подготовке мастеров художественной промышленности...» [7].

На этот раз мероприятие состоялось. Съезд начал работу 16 июня и закрылся через десять дней – 26 июня 1937 года. Накануне съезда, 15 июня, на заседании Политбюро было решено «передать вопросы, связанные со съездом архитекторов, в комиссию в составе тт. Молотова (созыв), Кагановича, Микояна, Чубаря и Стецкого» [5, с. 770–771]. А 16 июня 1937 года (в день открытия съезда. – М. М.) Политбюро ЦК ВКП(б) в своем Постановлении «О мероприятиях в связи с проведением Всесоюзного съезда советских архитекторов» решило: «Поручить т. Чубарю В. Я. выступить на Всесоюзном съезде советских архитекторов от имени ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

2. Считать необходимым выступление на съезде: т. Смирнова от Госплана, т. Булганина – от Моссовета, т. Гинзбурга – от Наркомтяжпрома, т. Жук – от строительства канала Волга – Москва.

3. Обязать «Правду» и «Известия» уделять ежедневно одну полосу для освещения съезда советских архитекторов.

4. Тов. Молотову принять от имени СНК СССР делегацию съезда.

5. Поручить т. Булганину по окончании съезда организовать прием для делегатов съезда и для иностранных гостей» [5, с. 378].

Все прошло именно так, как было запланировано и предписано партийными постановлениями. Съезд прошел в Колонном зале Дома союзов в Москве. На нем были представлены многократно проверенные, отцензурированные, отредактированные доклады о задачах советской архитектуры (докладчики К. С. Алабян, Н. Я. Колли, А. В. Щусев, содоклады представителей союзов архитекторов Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузинской, Армянской, Узбекской, Казахской, Таджикской и Туркменской ССР), об архитектуре Дворца Советов (докладчики Б. М. Иофан, В. А. Щуко, В. Г. Гельфрейх), о планировке и реконструкции городов (докладчики С. Е. Чернышев и Л. А. Ильин), о жилищной архитектуре (докладчики Г. А. Симонов, А. Г. Мордвинов, М. Я. Гинзбург), об архитектурном образовании (докладчики М. В. Крюков и И. В. Жолтовский). Съезд обсудил и принял новый устав Союза советских архитекторов СССР (по докладу А. М. Заславского) и выбрал руководящие органы...

Руководящие должности Союза советских архитекторов являлись номенклатурными должностями. Номенклатура – это перечень наиболее важных должностей в государственном

4. Так написано в постановлении, правильно – Жолтовский.

аппарате и в общественных организациях, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались, утверждались и отзывались партийными комитетами – от райкома, горкома до ЦК КПСС в зависимости от «масштаба» должности – местного, областного, столичного [8].

Убежденность высшего руководства страной в том, что государственную политику в сфере культуры, архитектуры, искусства должны проводить не «самоорганизующиеся, свободные, саморазвивающиеся, саморегулируемые» профессиональные объединения, а исключительно государственные органы, наконец-то была практически воплощена (!).

С позиций марксистско-ленинско-сталинской доктрины управления «пролетарским государством», только центральная вертикаль руководства архитектурой (градостроительством), формируемая по приказу свыше и заполняемая доверенными людьми (номенклатурой), была способна обеспечить консолидацию проектировщиков на выполнение задач, которые власть ставила перед этой категорией госслужащих. Власть рассматривала архитектуру как систему деятельности, обслуживающую реализацию общегосударственных программ, а не сообщество «творцов», воплощающих собственные профессиональные фантазии.

Основным субъектам исполнения государственной жилищной и градостроительной политики – ВСНХ, осуществляющему индустриализацию, и НКВД, курировавшему возведение новой сельтбы, – была необходима разработка массива проектно-сметной документации, без которой начинать строительство оказывалось слишком затратным. Как следствие, Союз советских архитекторов был необходим власти лишь как орган, способный внутри профессиональной сферы, на понятном для архитекторов языке организовывать их на исполнение государственных заданий. А то, что создаваемая для более глубокого и непосредственного контроля над архитектурным сообществом государственная организация была демонстративно названа «добровольной творческой общественной организацией деятелей советской архитектуры», могло ввести в заблуждение лишь самих архитекторов. И некоторую часть их них действительно в это заблуждение ввело...

Союз советских архитекторов СССР как орган контроля и руководства назывался творческим, в отличие от проектных организаций, называемых производственными. В 1930–1940-е годы местные, областные, краевые, республиканские организации СА СССР «вживлялись» в систему массо-

вого проектного дела за счет того, что председателем правления местной организации СА СССР, как правило, становился главный архитектор города или области либо главный архитектор одного из крупных проектных институтов. В предвоенный период членами правления обычно становились главные архитекторы проектных институтов либо ведущие специалисты. Именно они обязаны были проводить в жизнь циркуляры и инструкции центра. А когда было нужно, из Москвы приезжал высокопоставленный чиновник от архитектуры и помогал местным чиновникам от архитектуры правильно уяснить политику партии и правительства и умело провести ее в массы. Подобно тому, как наркоматы направляли на ответственные стройки своих уполномоченных, Союз архитекторов направлял на места своих представителей, наделенных широкими правами [9]. По Положению об уполномоченных Союза СА [10], утвержденному в 1937 году, каждый такой уполномоченный «утверждался правлением союза и являлся на месте представителем правления по всем разделам работы последнего». За счет этого в архитектуре осуществлялась связь руководящих органов центра и исполнительных органов на периферии.

Уполномоченные СА СССР обладали широкими правами: «Уполномоченный утверждает правлением союза и является на месте представителем правления по всем разделам работы последнего. На него возлагались следующие обязательства и ответственность: 1) осуществление постоянной связи с правлением Союза, в целях постоянной информации архитекторов о работах правления и информации Союза о творческой деятельности архитектурного коллектива; 2) проверка выполнения работ, поручаемых правлением отдельным архитекторам, подготовка материала к заседаниям правления, пленумам и конференциям, обсуждение в коллективе вопросов, стоящих в порядке работы правления; 3) организация сбора предложений по улучшению проектного и строительного дела, организация творческих соревнований и помощь в развертывании стахановского движения; 4) составление плана союзной работы своей организации, выявление актива, обеспечивающего в архитектурной практике учебу молодняка» [11]. Положение уполномоченного усиливается приданием ему исключительных функций поощрения. От него зависели: а) бесплатные поездки архитекторов по стране и за рубеж в целях повышения своего образовательного уровня; б) улучшение бытовых условий; в) получение путевок на отдых и на лечение; г) получение различного

рода ссуд. Он ведет обслуживание бытовых нужд членов союза по линии Архфонда и по этим вопросам является представителем Правления Архфонда; д) получение ссуд, путевок, медпомощи проводится Архфондом только при ходатайстве уполномоченного; е) вся работа уполномоченного проводится в тесном контакте с местными общественными организациями» [11, л. 45а].

От него впрямую зависела возможность служебной карьеры, так как исключительно он отбирает кандидатуры на вступление в Союз, через который и осуществляется теперь выстраивание служебной карьеры: «...выявляет активных архитекторов и выдвигает их в кандидаты членов Союза, обсуждает выдвинутые кандидатуры на общих собраниях и представляет на утверждение правления Союза, привлекает к союзной работе всех работников проектной организации и строительной площадки вне зависимости от принадлежности их к членам союза... Выдвигает кандидатов для отправки на учебу, экскурсии и другие виды повышения квалификации» [11, л. 45а].

Деятельность уполномоченного находится под прямым контролем правления Союза архитекторов: «...9) Уполномоченный может быть лишен своих полномочий по решению общего собрания или Правления Союза за бездеятельность, или другие поощряющие его действия как общественного выбранного работника и гражданина Советского Союза» [11, л. 45а].

С созданием института уполномоченных СА СССР окончательно становится для всех архитекторов страны единственным «вершителем профессиональных судеб»: 1) решающей инстанцией в вопросах продвижения по службе; 2) органом, указания которого обязательны к исполнению; 3) решающей инстанцией в распределении материальных поощрений и социальных благ; 4) источником образцов поведения и действия в рамках массовой системы проектного дела; 5) основной инстанцией, влияющей на возможность повышения профессиональной квалификации.

Советская политическая система не оставляла архитекторам лазеек для независимой деятельности – не predetermined госзаказом, поскольку после запрещения НЭПа, в стране исчез частный заказчик проектной деятельности и никакого жилищного строительства по частной инициативе и собственными силами не происходило. Кроме жилищного самостроя в деревнях и самовольного возведения нахаловок на окраинах городов, любая мало-мальски значимая стройка – строительство многоэтажного здания или нового цеха завода, не говоря уж о целых поселках

или городах, – была делом исключительно государственным, абсолютно подконтрольным и полностью управляемым. Тем более в условиях острейшего дефицита финансовых и материальных ресурсов, строительных материалов, механизмов и рабочей силы, средств транспортировки и всего прочего, что можно было получить лишь посредством их квотированного централизованного распределения. Государство дотягивается до самых дальних уголков архитектурной профессии, потому что профессия архитектора в СССР – профессия государственная (!).

В сталинский период созданная

система функционировала в полном соответствии с целями ее создателей. И лишь с приходом к власти Н. С. Хрущева в атмосфере наступившей социально-культурной оттепели, с исчезновением страха перед возможными репрессиями за любые критические высказывания в адрес власти, интеллектуальный потенциал профессионального сообщества нашел свое выражение в бурном возникновении в рамках Союза неформальных форм самовыражения: стихийных диспутов, самостоятельных музыкально-сатирических ансамблей, клубных видов досуга и проч.

**Марк Меерович/
Mark Meerovich**

Список литературы

1. Гронский И. М. Из прошлого... Воспоминания. – М. : Известия, 1991. – С. 334–335.
2. Хмельницкий Д. Что такое «социалистический реализм» в архитектуре? // Sztuka polska, sztuka rosyjska i polsko-rosyjskie kontakty artystyczne XX–XXI wieku. – Warszawa : Toruń, Polski Instytut Studiów nad Sztuką Świata ; Tako, 2014. – Т. 2. – С. 257.
3. Советская архитектура. – 1932. – № 5–6. – С. 11–13.
4. РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. Протоколы заседаний президиума и правления ССА с приложениями. 20 июля 1932 г. – 31 марта 1934 г. Стенограмма заседания правления Союза советских архитекторов от 20 июля 1932 г. – Ф. 674. – Оп. 1. – Ед. хр. 7. – Л. 144–185.
5. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под. ред. А. Н. Яковлева. – М. : МФД, 1999. – 872 с. – (Россия. XX век. Документы). – С. 175
6. РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. 1917–1937 гг. Список секретных дел Союза советских архитекторов СССР, 1935 г. Стенограмма партгруппы оргкомитета по обсуждению тезисов Охитовича М. А. 14 марта 1935 г. – Ф. 674. – Оп. 2. – Ед. хр. 13. – Л. 7–42, С. 34.

7. РГАЛИ. Союз архитекторов СССР. Протоколы ссекретариата оргкомитета ССА СССР № 1–16; Совместное заседание оргкомитета Союза советских архитекторов с представителями Союза скульпторов и Союза художников от 27 мая 1937 г. (Протокол № 2). 21 декабря 1936 г. – 29 мая 1937 г. – Ф. 674. – Оп. 2. – Ед. хр. 17. – Л. 60–82, 86.
8. Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. – М. : Интерпракс, 1995. – С. 241.
9. РГАЛИ. Союз архитекторов СССР. Протоколы секретариата оргкомитета ССА СССР № 1–16; 21 декабря 1936 г. – 29 мая 1937 г. Заседание секретариата оргкомитета Союза советских архитекторов от 9 февраля 1937 г. (Протокол № 2). – Ф. 674. – Оп. 2. – Ед. хр. 1. – Л. 10–11.
10. РГАЛИ. Союз архитекторов СССР. Секретариат. Протоколы президиума правления ССА СССР. 26 июля 1937 г. – 12 декабря 1937 г. Положение об уполномоченных Союза советских архитекторов, б. д. – Ф. 674. – Оп. 2. – Ед. хр. 24. – Л. 45, 45а.
11. РГАЛИ. Союз архитекторов СССР. Секретариат. Протоколы президиума правления ССА СССР. 26 июля 1937 г. – 12 декабря 1937 г. Положение об уполномоченных Союза советских архитекторов, б. д. – Ф. 674. – Оп. 2. – Ед. хр. 24. – Л. 45. /

References

- Gronskij, I.M. (1991) Iz proshlogo ... Vospominanija [From the past ... Memories]. Moscow: Izvestija, 368 p.
- Jakovlev, A.N., Artizov, A., Naumov, O. (1999). Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP (b) – VKP (b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoj politike. 1917 – 1953. [Power and artistic intelligentsia. Documents of the RCP (b) - the CPSU (b), the Cheka - OGPU - NKVD on cultural policy. 1917 – 1953]. Moscow: MFD, 872 p.
- Khmelnitski, D. Chto takoe «socialisticheskij realizm» v arhitekture? [What is a «socialist realism» in architecture?] Sztuka polska, sztuka rosyjska i polsko-rosyjskie kontakty artystyczne XX–XXI wieku. Polski Instytut Studiów nad Sztuką Świata & Wydawnictwo Tako. Tom II. Warszawa–Toruń 2014, s. 255–265, S. 257.
- Korzhikhina, T. P., Senin, A.S. (1995). Istorija rossijskoj gosudarstvennosti [The history of Russian statehood]. Moscow: Interpraks, 347 p.
- Rossiiskij Gosudarstvennyj Arhiv Literatury i Iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art]. F.674, inventory 1, storage unit 7.
- Rossiiskij Gosudarstvennyj Arhiv Literatury i Iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art]. F.674, inventory 2, storage unit: 1, 13, 17, 24.
- Sovetskaja arhitektura [Soviet architecture]. (1932). №5–6. pp. 11–13.